

Нателла Болтянская: «Никогда не спрашиваю, кто сверху в постели»

Алина РЕБЕЛЬ

Полгода назад на канале НТВ появилась новая программа для полуночников «Ночные музы». Ее ведущая Нателла Болтянская задает гостям вопросы о любви, а они — как это ни странно — отвечают. Заставить человека говорить о самом сокровенном — высший пилотаж интервьюера, и политический журналист Нателла Болтянская, до этого 12 лет проработавшая на «Эхе Москвы», по сей день демонстрирует его зрителям НТВ.

— Нателла, вы говорите с людьми о чувствах. Как удается их разговорить?

— Конечно, это безумно сложно. Рассчитывать на то, что ты задашь человеку достаточно интимный вопрос и он сразу тебе все о себе расскажет, нельзя. Но даже по тому, как человек уходит от ответа, многое можно сказать о том, как он мыслит, чувствует, как он себя позиционирует. Более того, за полгода существования программы я, пожалуй, не припомню человека, который на прямо поставленный вопрос тут же выдал бы прямой ответ.

— С кем из ваших собеседников вам было сложнее всего работать?

— С главным редактором «Эха Москвы» Алексеем Венедиктовым. Просто потому, что он все мои фенечки очень хорошо знает. Любое интервью — это некий поединок, причем к человеку можно относиться со всей любовью, с самыми теплыми, нежными чувствами, но интервью — это борьба. И когда твой противник на твоём поле умеет больше, чем ты, это, конечно, трудно.

— А неприятные впечатления кто-нибудь оставил?

— Были люди, которые просто не давали подобраться к себе близко. Были люди, которые на вопрос о чем-то личном тут же подбирали пример из собственной профессиональной жизни.

Но людей, которые оставили какое-то негативное впечатление, пожалуй, не было. Конечно, у меня, как и у каждого человека, есть свои симпатии и антипатии, но пригласить на интервью человека, который заведомо тебе неприятен, — это особый риск. Этому должно быть очень четкое обоснование — профессиональное, журналистское. Если человек не вызывает у тебя симпатии, значит, он тебе неинтересен. Если он тебе неинтересен тем, что он делает, значит, он неинтересен тебе и тем, какой он в жизни.

— Обязательно ли это? Человек может быть неприятен, но интересен.

— Если вы человека не любите, где-то это всплывет. Есть люди, чьи поступки могут вызвать какое-то неоднозначное отношение, есть такие, которые позволяют себе поведение, не кажущееся мне верхом хорошего тона. Но вот жесткой антипатии.. Ну слава Богу, Гитлера и Сталина нет в живых. Хотя... Недавно в нашей передаче снималась актриса Евгения Добровольская. «Ночные музы» идут уже полгода, и в основном беседа в кадре идет именно о личном, мы стараемся не трогать профессиональное. Насколько мне известно, Добровольская была предупреждена об этом. И вдруг в нашей примерке появляется мрачная особа, не идущая ни на какой контакт, отвечающая на все вопросы сквозь зубы «Да» и «Нет»... Просто Зоя Комодемьянская в фашистском плену.

Ну ладно, не хочется Добровольской говорить со мной до команды «Мотор», вдруг ей активно не симпатична. Но в кадре — закон простой: чем

больше собеседник демонстрирует желание забыть собственные слова, тем больше я ему о них напоминаю. В общем, все 26 минут в студии я читала жгучую ненависть к себе в глазах у актрисы Добровольской. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, передача еще не вышла в эфир. А выйдя из кадра, Евгения Владимировна подбежала к Александру Самойленко, которого гримировали к следующей съемке, и буквально прокричала ему: УХОДИ ОТСЮДА НЕ МЕДЛЕННО! ЭТО ВСЕ УЖАСНО!!!

Все это грустно и странно, тем более что печатные интервью Евгении Владимировны мне показались весьма и весьма интересными... Но такое, к счастью, было только один раз.

— От вас зависит выбор гостей?

— Выбор гостей — это коллегиальное дело, этакая групповуха. Но я сама должна быть заинтересована в общении с человеком.

— Кого легче спрашивать о любви: женщину или мужчину?

— С одной стороны, с мужчиной легче просто по определению. С другой — среди моих собеседниц были совершенно невероятная Любовь Казарновская, потрясающая Лариса Васильева и многие другие. С женщиной ты как бы играешь на одном поле. Впрочем, и с теми, и с другими есть трудности, которые приходится преодолевать. Я ведь еще не в том возрасте, когда женщина превращается для мужчины в жилетку для рыданий.

— Как ваше общение с гостями влияет на дальнейшие отношения с человеком?

— Пока не было ситуации, чтобы человек уходил, прервал съемку и хлопнул дверью.

— Какие вопросы о любви вы не станете задавать?

— Кто сверху. Мне кажется, вопросы касаются того, что происходит в спальне по части тех-

ники, задавать не совсем этично. Это имеет право на существование, если человек готов об этом говорить. К примеру, была программа с Надеждой Георгиевной Бабкиной. Она открыто иронизировала, когда рассказывала про весьма эротичную позу, в которой она может пол. И уж как было ей не задать вопрос, для чего, собственно, она это делает: для того, чтобы показать свою фигуру во всей красе или все-таки для того, чтобы помыть пол. Есть люди, которые готовы об этом говорить совершенно открытым текстом. И они это делают очень элегантно. Все возможно, если есть контакт, но вообще, конечно, я предпочитаю в такие вещи не лезть.

— Бывает такое, что откровения ваших гостей вас шокируют?

— Да. Меня совершенно потряс Владимир Кузьмин, который вдруг начал говорить о том, насколько он принципиально изменился с появлением жены Кати. Когда он принялся описывать предыдущего Кузьмина, который был до Кати, я ошалела, насколько он о себе нелюбимые вещи говорил. Я рассчитывала на то, что люди будут открытвенны, но вот совсем не ждала, что у них появятся слезы в глазах. Конечно, с точки зрения журналистики это классно. Но вот с точки зрения чисто человеческого общения — это большая ответственность.

— Как же с этим справиться? Прервать человека, который слишком откровенничает?

— Ни в коем случае! Если человек идет на открытый разговор, он должен отдавать себе отчет в том, что делает. И если он раскрылся, значит, обстановка в студии к этому располагала. Ведь когда снимается программа, помимо гостя и ведущего на площадке находится как минимум еще 15 человек. Конечно, каждый из них занят своим делом, но вся эта команда является абсолютным участником действия. И если уж меж-

ду вами и собеседником сложилась такая степень интимности, что человек позволяет себе говорить ранее неговоренное, значит, все идет просто отлично.

— На телевидении сейчас немало программ-интервью. Кто для вас в этом жанре эталон?

— Одно время по REN TV показывали программы Опры Уинфри. То, что она себе позволяла перед камерой, — просто что-то невероятное. Был у нее в программе разговор о насилии в семье, и ее собеседница нервничала, плакала, и в какой-то момент, видимо, был налажен такой контакт, что Уинфри спрашивает: «Что я могу для вас сделать?» А та ей отвечает «Обнимите меня!». Вот это был настоящий момент истины без всяких кавычек. Это высший пилотаж!

— Вы готовы обнять человека перед камерой?

— Конечно! Если ему это необходимо и если ему это поможет...

— А вы позволяете себе переживать истории, которые вам рассказывают? Или все-таки есть некая дистанция?

— Здесь не может быть дистанций. Многие остаются за рамками программы, уже смонтированной. Поэтому каждый раз, когда я приезжаю домой, все вываливаю на близких.

— Вы публичный человек?

— А что вы вкладываете в это понятие?

— Человек, который готов, в частности, откровенничать перед камерой.

— В какой-то степени да. Это входит в рамки профессии. Если вы рассказываете на то, что человек вам что-то о себе скажет, то вам так или иначе приходится быть для собеседника прозрачным. Другое дело, что есть какие-то вещи, которых я о себе говорить не буду.

— Какие же?

— Так вот я вам их все прямо и рассказала! Конечно, я

стараюсь быть откровенной.. Хотя, скорее, стараюсь не врать. Это более точное определение.

— Вы задавали своим гостям вопросы, на которые сами бы отвечать не стали?

— Не бывает неудобных вопросов, бывают непродуманные ответы.

— Кто создает ваш телевизионный образ?

— Андрей Мановцев — главный стилист «Нины Риччи» и его команда. Все они — боги нашей красоты.

— Вы всегда довольны тем, что они с вами делают?

— Иногда бывает ощущение, что на лице слишком много грима. Но в кадре это порой не видно. Я не всегда согласна с тем, что из меня делают. Но они в этом понимают, и не мне им советовать. Правда, если мне кажется, что слишком ярко накрашены губы, я прошу это убрать.

— А каким, на ваш взгляд, должен быть образ телеведущей?

— Это сложный вопрос. Ведущая должна быть такой, чтобы зрителю, смотрящему на экран, не приходило в голову, что вот тут у нее накладные ресницы, здесь накладные локоньки, а там неестественная грудь. Перегруженности не должно быть. Мне безумно нравится внешне Катя Андреева или тетя Валя Леонтьева. Ей уже далеко не шестнадцать, но когда она появляется на экране, на зрителя сходит какой-то покой.

Еще один пример: не так давно приезжала в Москву актриса Анни Жирардо, которую я просто обожаю. И вот представьте себе абсолютную бабуську, идущую по коридору, сгорбившись, ни грамма косметики на лице, и все ее прожитые годы видны. И вот она заходит в студию, садится, открывает рот... и тут меня сдувает. Какой там возраст! Это личность! Такой напор! Я задала ей вопрос знает ли она, кого увидит с утра в зеркале. Мадам Жирардо вздохнула и сказала:

«Я увижу очень немолодую усталую женщину. Но это ненадолго!» Любимый человек, независимо от пола и возраста, на экране должен быть личностью.

— А программа Ренаты Литвиновой, которая идет вслед за вами, вам интересна?

— Конечно. Это отличается от того, что есть на нашем телевидении. И в этой программе в отличие от других передач присутствует сама персона. Это не просто «Стиль», это «Стиль от Ренаты Литвиновой», и в этом есть все плюсы и минусы ее личности.

— Что вам категорически не нравится на телевидении?

— Игры. Мне очень неприятна ситуация, в которой говорят: «Вот ты сделай нам то-то, а мы тебе конфетку дадим». Это все выглядит как-то неинтеллигентно. Единственные игры, которые у меня не вызывают раздражения, это «Своя игра» и «Что? Где? Когда?». Но там задействован интеллект. Хотя все-таки игровой формат мне чужд.